УДК 111.1.159.955

ПРИРОДА ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ В ДИСКУРСЕ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА СОЦИАЛЬНОСТИ

Е.А. Цибулевская, К.А. Анкудинова

Сургутский филиал МГСУ
E-mail: bogach@ic.tsu.ru

Рассмотрена природа легитимности власти в дискурсе переходного типа социальности, раскрыта специфика социальных институтов и ценностей переходного времени, рассмотрена проблема сохранения стабильности общества

Распад СССР можно рассматривать как ответ общества на неспособность принимать сложные стабилизирующие решения в масштабе гигантского интегрированного целого, как попытку общества в кризисной ситуации уменьшить сложность, ограничить принятие сложных решений масштабами каждой из бывших республик в отдельности. Сам же разрыв между сложностью проблем России и реальным уровнем их решать остается достаточно высоким.

Для современного связанного с локализмом этапа характерно стремление сообществ максимизировать свою независимость от целого, хозяйственная жизнь с господством в ней бесчисленных монополий на дефицит дает картину не только столкновений между сообществами, но и несоответствия между стремлениями сохранить господство натуральных отношений и одновременно действовать так, как будто у нас господствует рынок. В литературе [1 , 2] отмечается, что значение конфликта для судьбы современного общества в значительной степени определяется способностью сложившейся судебной системы быть реальным инструментом их разрешения, опираясь на право в самом глубоком смысле этого понятия. В обществе существует дезорганизующий раскол между "правом власти", т.е. потенциально беспредельной возможностью власти манипулировать законодательством, и реальными основами права: частной (гражданской) сферой, где решающее слово по гражданским вопросам выносят частные лица, фундаментальные права человека, обязательные для государственных органов любых рангов, независимое и сильное правосудие – все это "неподвластно государственному хотению" (С.А. Алексеев). Оба эти принципа существуют одновременно и разрушают друг друга в каждой клеточке общества.

Однако эта проблема не осознается, и происходит процесс адаптации общества к своей дезорганизации (такие явления, как хромающие решения, связанное с ними двоевластие как раз и являются формами адаптации, практически закрепляющими опасный уровень дезорганизации и не содержащими достаточной дозы конструктивной критики).

Внутренняя дестабилизация не создает необходимых условий для политической стабилизации. После падения государственности СССР геополитическое положение России нуждается в новом осмыслении. Россия формировалась в процессе колонизации громадных территорий, а это было предпосылкой ее превращения в громадную импе-

рию. Сегодня сложилась новая геополитическая ситуация. Внутренняя нестабильность привела к неспособности сохранить единство национально-этнического разнообразия. Возникла угроза сокращения страны под влиянием этнического сепаратизма (события в Чечне).

Переходный период во многом характеризуется разрушением социальных институтов и ценностей; в этот период проблема сохранения стабильности общества, приобретая особое значение, непосредственно связана с проблемой легитимности власти, приобретающей решающее значение для реформ. На наш взгляд, легитимность в ситуации переходности имеет специфику. Когда-то Д. Истон определял легитимность как "диффузию поддержки режима". Этой разлитой в обществе поддержки режима и лояльности со стороны граждан в переходный период и не существует. Общество переходного типа носит расколотый характер, с множеством противоречий и вокруг характера наиболее соответствующих ему институтов, и относительно наиболее значимых ценностей.

Сегодня аналитики стремятся рассматривать легитимность с точки зрения одного из трех ее типов – традиционный, роационально-легальный или харизматический. Сам же М. Вебер признавал возможность смешанной легитимности, в частности, при обсуждении процессов легитимации и делегитимации в работе "Экономика и общество": идеальные типы антагонистичны друг к другу только в теории, а в реальности традиционные системы обладают определенными чертами легальности, а демократические общества поддерживаются традиционным авторитетом власти и закона. Веберовская типология не вполне приемлема в изучении состояния современных политических режимов переходного типа, так как традиционная власть сегодня отличается от той, какой она была в начале XX столетия, а харизматические лидеры оказались крайне редким явлением, употребление понятия "харизма" в применении сакрального акцента. Харизматическое лидерство присутствует в сегодняшней практике, скорее, в форме персонализации власти.

Д. Хелдом предложены семь вариантов легитимации: согласие под угрозой насилия; легитимность в силу традиции; согласие в силу апатии; прагматическое подчинение (т.е. поддержка ради личной выгоды); инструментальная легитимность (согласие, поскольку данный режим может служить инструментом реализации идеи общего блага); нормативное согласие; идеальное нормативное согласие.

Автор рассматривает в качестве подлинной легитимности лишь два последних типа, именно здесь осуществляется диффузия поддержки существующей власти со стороны большинства граждан, считает он. Однако подчеркивает, что подобные ситуации встречаются крайне редко, а такой тип легитимности, как идеальное нормативное согласие – скорее, продукт воображения, чем реального состояния общества. Для переходных состояний типично смешение различных вариантов частично легитимных типов, сама же дихотомия легитимный/нелегитимный недостаточна для анализа разнообразной реальности, и сегодня аналитики пытаются построить теоретическую модель легитимности, определять степень легитимности: политические режимы выстраиваются по воображаемой оси от минимума к максимуму, т.е. от осознанной нелегитимности до полного массового одобрения, хотя полная поддержка, равно как и чисто насильственное правление, на практике встречаются чрезвычайно редко; аналитики выделяют устойчиво апатичные структуры; бунтующие субкультуры; диссидентские течения разного профиля вплоть до наличных криминальных и террористических групп, но для характеристики легитимности власти в обществе этого явно недостаточно, важной является необходимость анализа уровня и интенсивности народной поддержки режима. Оценка состояния легитимности оказывается достаточно субъективной из-за приблизительности и неточности полученных данных.

В обществах переходного типа, особенно посттоталитарных, нередко за наличие легитимности режима принимается отсутствие социального взрыва, однако, трудности переходного периода воспринимаются зачастую в обществах без длительных демократических традиций как фатальность, проявление судьбы. Д. Истон считает, что признаком наличия легитимности не является и отсутствие прямого государственного насилия в достаточно широких масштабах. Скорее, это псевдолегитимность, обеспечиваемая либо апатией, либо привычкой к подчинению любой власти, которая на индивидуальном уровне может восприниматься как крайне непопулярная. Однако такое состояние общества не имеет ничего общего с демократизацией и потенциально открывает возможности для любых путчей и переворотов.

Существует ряд признаков нелегитимности режима, с их помощью аналитики определяют состояние общественной лояльности. Так, одним из них является институционизированная коррумпированность. Вместе с тем, – и в этом парадокс, – разоблачения взяточничества и коррумпированности в высших эшелонах власти не только не являются признаками нелегитимности, но поддерживают свободу слова и устойчивость режима в целом. Определяющими же здесь выступают масштабы явления; когда речь идет об "импичменте" президенту, становится испытанием, которое способно выдержать только устойчивое общество с длительными демократическими традициями.

Существует и различие между легитимностью и доверием. Концепция легитимности относится ко всей политической системе, концепция же доверия ограничивается конкретными правителями, осуществляющими власть на основе сменяемости. Различие легитимности режима и доверия к конкретным политическим институтам соответствует плюрастическим демократиям. Никакая полити-

ческая система, даже самая демократическая и стабильная, не является совершенной, и ни один институт общества не остается вне критики.

Но в посттоталитарных обществах возникает иллюзия, что критика правящего класса тождественна неприятию режима в целом (люди теряют веру в лидеров значительно легче, чем доверие к системе, а критика "партии власти" вовсе не означает угрозы легитимности самого режима). Партия власти часто сознательно стремится подчеркнуть тождество между собой и режимом в целом, внушая идею о том, что ее уход от власти будет означать поворот к авторитаризму (если речь идет о демократизирующихся обществах), и это характерный признак незрелой демократии.

Аналитики утверждают: важнейшую роль в процессах легитимации играет интеллигенция. Когда интеллектуальная элита в целом доверяет режиму, то можно предсказать ему оптимистическое будущее. И, соответственно, наоборот: если интеллектуалы противостоят режиму, легитимность последнего представляется крайне хрупкой. Поэтому власть в реформируемом обществе всегда должна уделять особое внимание настроениям в интеллектуальной и студенческой среде, демонстрировать ей свою заботу и поддержку, искать формы сотрудничества и взаимодействия. Ибо именно интеллектуальный фермент, последовательно способствующий распространению альтернативных идей среди населения, как правило, провоцирует кризис легитимности. С этой точки зрения, политика нынешнего демократического руководства России в отношении науки и образования представляется предельно близорукой, если не самоубийственной [3].

Чем же можно объяснить ограничение легитимности и потерю доверия? Неэффективной политикой и трудностям и управления в плохо регулируемом обществе. Исследователи выделяют такие типы неуправляемости:

– правительство перегружено требованиями со стороны общества со сложной структурой, берет на себя множество обязательств, как это бывает в государствах с большим числом социальных программ;
– государство в ситуации экономического кризиса или экономической недоразвитости не обладает необходимыми ресурсами для оказания позитивного влияния на общество.

Эти случаи демонстрирует и современная Россия, нынешний режим заявил себя как демократический, и правительство принимает решения при прямом и постоянном контроле со стороны общественности. Контроль этот остается частичным, направлен, главным образом, не столько против властей, сколько против средств массовой информации. Действия средств массовой информации, транслирующих недовольство пострадавших в результате реформ социальных слоев и пытающихся защитить, причем часто крайне неловко, неумно, излишне сервильно, непопулярные меры правительства, приводят к тому, что СМИ как "четвертая власть" оказываются между "двух огней" и, в свою очередь, способствуют скорее делегитимации, чем легитимации режима. В процессе перехода к демократии воспроизведение легитимности режима приобретает важнейшее значение, популярность же и непопулярность политиков и правительства оказывается в исторической перспективе вторичной.

Существенно более значимой становится другая сторона проблемы – возможность "зависания" в переходный период. Временная приостановка реформ, полумеры и отсутствие действенной системы управления могут привести к такому уровню нестабильности, который содержит в себе потенциальную возможность гражданской войны или резкого скачка агрессивности по отношению к внешнему миру и обострения национализма как панацеи и угрозы раскола. Как показывают исследования Э. Мэнсфилда и Дж. Снайдера, наибольшую опасность представляет именно переходный процесс.

Процесс демократизации обычно способствует возникновению синдрома центральной власти, нестабильных внутренних коалиций, социального протеста. Он выводит на политическую сцену новые социальные группы и классы. Политические лидеры, не находя иного способа объединения распадающихся интересов, вынуждены прибегать к торгу с оппозицией или предпринимать неосторожные шаги ради сохранения власти. Элиты ощущают потерю массовой поддержки и перетекания масс в сторону оппозиции. При этом во многих случаях выясняется, что трудно найти более действенную панацею, нежели игра на национальных чувствах граждан, особенно в трудно управляемых политических ситуациях.

В России переходного периода импульсом реформ, необходимых для решения проблем социальной модернизации, явился кризис, который сам по себе и заявил о порождении того транзитивного состояния, в котором в полной мере проявили себя все признаки распада и дезинтеграции. Успешное проведение реформ нуждается в новом правовом контексте, в выработке новой системы правовых норм и правовой культуры, – нуждается в правовом обеспечении социальных преобразований и реформаторства. Попытка отвечать на вопрос о том, что является основанием неудачных реализаций задуманных в постперестроечный период реформ, приводит к выводу о традиции правового нигилизма и анархизма в отношении к законам, что вызвало ситуацию результативной невозможности реформ. Кроме того, реформы проводились вне ориентации на интересы и потребности народа, на исторические традиции развития российского общества (коллективизм, духовность).

Реформы в России были ориентированы на ряд моделей – "социализм с человеческим лицом", "либеральная рыночная модель", ставшая доминирующей с января 1992 г., вследствие чего был провозглашен курс на монетаризм, началось расхищение национального достояния, развал экономики.

Жизненный уровень населения упал ниже критического уровня. С. Глазьев следующим образом оценил результаты первых лет "реформ": это была не реальность перехода от централизованной экономики к рыночной экономике, а реальность устойчивой системы высококриминализированных социально-экономических отношений.

Очевидно, что важнейшей сферой реформирования должа была стать модернизация всей системы политико-правовых отношений. Прогнозируя развитие складывающейся ситуации, можно утверждать, что переходный период в России будет исторически длительным, измеряемым не годами, а несколькими поколениями. В это время будет происходить ценностная переориентация населения. Ряд тенденций в этом направлении проявляется уже достаточно рельефно. Если в начале 90-х годов страну действительно охватила эйфория по поводу либеральных ценностей, рыночно-капиталистических норм и установок, то в настоящее время большинство населения прозревает, осознает мифологичность утверждения об общечеловеческом характере таких механизмов развития, их связь с интересами корыстного и криминального меньшинства. В результате все ветви власти как по горизонтали, так и по вертикали утрачивают доверие значительной части граждан, а вместе с тем и легитимность.

В России на рубеже XX–XXI столетий обнаруживает себя кризис власти. Возникает многовластие, что фактически адекватно безвластию; очевиден конфликт между Центром и провинциями, очевидны бюрократический централизм, административно-командный политический режим. Идея суверенитета становится идеей-фикс для субъектов "социалистической" Федерации. Республиканские, областные и краевые власти стремятся расширить свои права на подведомственной им территории, игнорируя суверенитет Центра. Ширятся идеи и практика сепаратизма. И центральные власти провоцируют этот процесс.

С государственной властью считаются все меньше, в стране назревает общенациональный кризис. В политической системе проявляют себя процессы адаптации к меняющимся внешним и внутренним социальным условиям. Частично решается вопрос о разделении властей: законодательной, исполнительной и судебной: легитимируется статус каждой из них, создаются механизмы сдерживания и противовеса, чтобы ограничить властные претензии каждой из них, предпринимаются попытки отыскать конструктивные механизмы взаимодействия.

Создаются Комитет конституционного надзора в союзной властной структуре и Конституционный Суд – в российской республиканской. Требуют самостоятельности многие союзные и часть автономных республик, растет преступность, особенно наиболее опасные ее виды, направленные против жизни, достоинства и безопасности человека. Разваливается экономика. Сегодня мера власти субъекта разного уровня становится предметом политического торга.

Важным средством сдерживания антидемократических тенденций в правовой сфере могло и должно было стать правовое государство. Значение функционирования и взаимодействия всех ветвей власти могло возрасти на основе правового закона, его верховенства для всех политических структур и должностных лиц независимо от их властного статуса.

Если говорить о модели правового государства, она предполагает ответственность власти перед всем гражданским обществом, парламента и президента – перед электоратом, правительства – перед высшим представительным органом. В реальном же переходном процессе дело обстоит сложнее.

Создание правового государства предполагает также глубокие трансформационные процессы в системе права, сопряжение вновь созданного правового поля с утверждающимися системами ценностей, нравственными нормами, сущностными переменами в духовной жизни общества. Л.Г. Олех пишет о том, что демократический правовой контекст в принципе стновится потребностью назревшего социального развития общества.

В правовом государстве следует определить оптимальные варианты разделения властей по горизонтали (законодательной, исполнительной, судебной) и по вертикали (федеральной, региональной, муниципальной, включающей в себя и компоненты делегированной ей исполнительной власти). В Конституции страны Российское государство обозначено как демократическое, социальное и правовое, однако в разделе "Права и свободы человека и гражданина" отсутствуют законодательно проработанные гарантии социального обеспечения россиян, их социальной защиты.

Модернизация страны затрагивает и политическую, и правовую сферы. Эти две сферы взаимодействуют, их структура усложняется, расширяется иерархия правового пространства, хотя этот процесс протекает не без противоречий, причем временами эти противоречия достигают конфликтной остроты. На вершине находится нормативно-правовой блок, предназначенный для того, чтобы регулировать отношения не только на международной арене, но в определенном аспекте и в отдельных странах. Однако в последнее время институты, разрабатывающие и применяющие нормы международного права, в известном смысле оказались совершенно беспомощными. Эта ситуация правового беспредела проявилась в условиях организованного США и НАТО конфликта на Балканах.

Говоря о взаимодействии политики и права в транзитивном обществе, должно обращаться и к серьезным методологическим проблемам в сфере права. Ряд авторов отмечают сложную ситуацию правотворчества и правоприменения в контексте переходного общества. Прежние теоретико-методологические подходы и нормы не могут быть успешно адаптированы к изменяющимся социальным условиям.

Можно говорить о проблеме выработки системы методологических основ формирования права как регулятора устойчивого развития; нормотворческий подход предполагает как рациональные, так и иррациональные правовые институты. Право – совокупность взаимосвязанных составляющих. Предполагаемый концептуальный методологический подход конспективно можно изложить следующим образом: 1) это не то (или не только то), что установлено органами власти, а то, что вытекает из объективных реалий социального развития, соответствует потребностям транзитивного общества; 2) писаные законы (традиционное понимание юридических норм); 3) система правовых принципов, ненормированных правовых установок, методик правотворчества и правоприменения; 4) правовая политика; 5) механизм реализации права, регулирующего общественные отношения.

Не всякий закон и подзаконный акт являются адекватным правовым феноменом. В этом качестве они находятся, только соответствуя потребностям общества, отражая логику и динамику объективных закономерностей социума, будучи увязанными с другими правовыми нормами, образуя подсистему права. Применительно к современному этапу общепринятым критерием должно быть соответствие потребности устойчивого развития. То, что не соответствует принципу устойчивого развития, не может претендовать на статус правового феномена. Рассматривая проблемы взаимодействия разных феноменов в контексте политических модернизаций, необходимо обратить внимание на возникновение потребностей в становлении разных подсистем права. Среди них и экологическая, и региональная и другие подсистемы права; важной подсистемой является региональное право.

Аналитики отмечают, что создание нового правового поля рефлексировалось в появлении интереса к формированию свободной правовой личности и гражданского общества, к защите их потребностей и возможностям активизации социальной активности; изменение акцентов во взаимодействии объективных условий и факторов регулирующей роли права в том, что право снизило свой защитный потенциал по отношению к государству и возвысило – по отношению к освобождающейся и творчески развивающейся личности; сформировалась либерально-демократическая парадигма, соответствующая реальным процессам в правотворчестве. Право должно четко определять меру правовой защиты и для личности, и для государства, а кроме того, государство и официально издаваемые им законы сами по себе не могут быть источником права, закон не может выдаваться за источник правовых норм без определенной доли условности. Государство как субъект рынка не может произвольно формировать правовую норму, а должно действовать в рамках уже существующего правового поля, адаптироваться к нему, политика и субъекты не только субъекты правотворчества, но и объекты права, которое должно контролироваться правовыми институтами. Сегодня в обществе возрастает тенденция неопределенности. В условиях модернизации право может быть как тормозом, так и ускорителем трансформаций. Так региональное право должно отдавать приоритет обеспечению прав, свобод, законных интересов граждан, мест перед государственными интересами, но если речь идет о законных интересах регионов и мест, то должен срабатывать принцип субсидиарности (где это рационально, следует ограничивать сферу вмешательства государства в законные интересы территории). Модификация подсистемы права в современной России представляет собой важную и до сих пор не оптимально решаемую задачу. Создавая законы, в ходе правотворческой деятельности следует помнить, что не всякий закон есть право. Он становится правовым, выражая меру свободы через правовой идеал и соответствующие нормы. Рациональное же государство обретает свою демократическую сущность правового государства, лишь воплощая идею свободы.

Если сравнить начало и конец последнего десятилетия, – от августа 1991 г., – очевидно, что в России произошла не стабилизация экономики, а консолидация власти, стали очевидными черты "старой новой власти", черты издавна властвующего в России "правящего слоя", для которого доминирующим источником богатства, равно как и основной опорой, стало государство. Общим стержнем власти при всех переворотах и революциях являлась именно ориентация на государство как на опору и источник благ. После Октября правящий слой резко пополнился из низших слоев, однако подавляющее большинство граждан России реально, а не декларативно осталось бесправным. Приобщение к слою номенклатуры было обставлено жесткими правилами, а вхождение во власть предопределяло все остальное. Коммунистический режим в России был логическим завершением процесса огосударствления правящего слоя, высшей формой его слияния с государством; власть могла лишить подданного собственности – основы его независимости. Сегодня, по сути, с поправкой на эпоху, идет как бы возврат к дооктябрьской эпохе: частная собственность, зачатки демократии и гласность есть, но они не устойчивы, не гарантированы. Мы движемся в русле огромных возможностей, неподконтрольности и реальной слабости высшей власти, неоформленности прав и ответственности отдельных ветвей и звеньев власти, независимости правительства от Думы. Есть существенные отличия в расстановке и идеологическом оформлении политических сил, однако отрыв власти от народа приближает действующую власть к правящей верхушке прошлого. Сегодня можно видеть, что в России правящий слой состоит из части "старой" номенклатуры, из части "новой" номенклатуры, из части "новых русских", связанных с теневой экономикой и криминальными структурами. Обнаруживают себя его родовые типично российские черты, из которых главные – связь с государством, отрыв от народа.

И то, что и в России не было ничего, подобного

Нюрнбергскому процессу и денацификации, была амнистия гкчпистам и участникам событий 1993 г.; провалилась работа ВЧК, не было серьезных банкротств, продолжаются массовые гигантские неплатежи, не раскрываются заказные убийства, не применяются и карательные мера за масштабную коррупцию, за хищения, никто не несет ответственности за ошибки и авантюры вроде Чечни, – говорит не только о всепрощенческом настрое власти, но и о том, кто входит во власть и насколько власть в России консолидирована в конце 90-х годов XX века, каков глубинный характер российской власти. Очевиден тот факт, что именно сегодня в России идет становление идеологии консолидировавшейся власти; это становление ориентировано на социальный генотип, в основе которого – державность и соборность. Такая доминанта идеологии, как державность в российской идеологии шла "сверху", была обусловлена необходимостью защиты от внешнего врага, соборность же складывалась "снизу", в процессе соседской взаимопомощи в слабо заселенной стране. И державность в России – это больше, чем примат государственного начала, это – централизация власти, авторитаризм или тоталитаризм, милитаризация экономики и, соответственно, ведущая роль бюрократии, в частности, военной и военнопромышленной. Сегодня очевиден тот факт, что нарастают указанные элементы российской державности в политике, экономике (однако для их реализации не хватает сил) и особенно в идеологии и пропаганде "величия державы". Это превратилось в козырную карту предвыборной борьбы, это подпитывается чувством национальной ущемленности от всех поражений (в холодной войне, в Афганистане, в Чечне). Что касается соборности в традиционном понимании – это не только общинность, примат артельного начала, но и нивелирующий, подавляющий личность коллективизм, уравнительность и далее – патернализм, иждивенчество, не опора на себя, а надежда на государство, что связывает соборность с державностью. Сегодня соборность нередко перерастает в мессианизм, а в идеологии и пропаганде активно внедряется идея опоры на государство, государственную ответственность и помощь, в центре же российских споров о будущем – проблема "больше государства – меньше государства". И поэтому в ближайшей перспективе трудно говорить о возрождении программ, ориентированных на либеральные ценности, на суверенитет и примат личности; на приоритетные позиции выйдут программы, ориентированные на идеи примата государства, требующие "больше государства". В борьбе за власть будут соперничать консерваторы с идеями государственности, державности, и авторитаристы, выступающие за большой государственный сектор и централизованную власть. Можно говорить и о перспективе (по мере наполнения казны) социалистических программ и направлений (социал-демократической направленности), опирающиеся на идеи соборности, а успех будет зависеть от того, кто сможет " сузить" пропасть между властью и народом. Однако через все особенности и повороты российской истории проходит ведущая, определяющая роль государства и связанного с ним общественного слоя.

Можно говорить о периодически обострившейся потребности в "догоняющем развитии"; она реализуется в режиме "рывка". Россия находится на очередном и очень сложном историческом перепутье. Обычно она проскакивала развилки, которые могли привести к большей демократии и децентрализации власти, фатально продолжая авторитарные и децентрализованные варианты развития. Пока не ясно, будет ли Россия и на сей раз продолжать движение по прежнему пути военно-политической державности или она найдет в себе силы, способные добиваться мирового признания величия державы на путях мирного технологического, экономического и культурного прогресса. Та же проблема стояла перед потерпевшими поражение во Второй мировой войне Германией и Японией и перед победившими в ней, но пережившими крах своих колониальных империй Англией и Францией. Они не без помощи извне, не без рецидивов (Индокитай, Суэц, Алжир) выбрали второй путь. Россия выбор еще не сделала, однако воздействие названных выше факторов несомненно.

В России переходной постперестроечной эпохи, чрезвычайно трудной и напряженной в экономическом плане, возникала возможность изменения экономической ситуации, используя накопления граждан как внутренний мощный резерв экономического роста, как база производственных инвестиций; однако эта возможность не имеет механизмов и каналов реализации ввиду полного отсутствия "доверия" к государству; очевиден вектор политического процесса, со всей наглядностью проявивший себя не только в конце XX в.: человек и общество в многовековой истории России всегда существовали для государства и для власти, которая отождествляла себя с государством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраамова Е., Дискин И. Социальная трансформация и элиты. // Общественные науки сегодня. – 1994. – № 3. – С. 6–11.
2. Арбатов А. Безопасность: российский выбор. – М.: Наука, 1999. – 179 с.
3. Сборник: Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. – М.: Наука, 1997. – 361 с.